

Наталья МОРЖИНА

Москва

Родилась в Красноярске. Член Союза журналистов Москвы с 1986 года. Стихи публиковались в «Новом Енисейском литераторе», «Енисейке». Автор книги стихов «Парад планет». Дипломант конкурса одного стихотворения 2014 года, дипломант «Нового Енисейского литератора» за 2016 год в номинации «Поэзия».

НОЧЬ В ИЗБОРСКЕ

*Ночной дорогой в полной тишине
иду к неведомому гревнему Изборску.
Он ничего не знает обо мне.
Нам в темноте знакомиться непросто.
Всё будет завтра: только бы успеть,
запоминая гаты и события,
прослушать, прочитать и просмотреть
от отпирания дверей и до закрытья
все сведенья о доблестях его
и доказательства былой великой славы.
Ведь многословный гуг — не для забавы.
Здесь для забавы нету ничего.
С избытком будет всё при свете дня.
В нежарком добром солнышке осеннем
торговцы станут соблазнять меня
великолепьем (благо воскресенье!)
поделок, заготовок и вязаний,
антоновки янтарною прохладой,
всем, что создали и взрастили сами.
И я поверю: мне всё это надо.
Пусть — завтра. А сегодня, а сейчас
от места, где ночлег мне приготовлен,
я удаляюсь в самый тёмный час
на слабый зов молчащей колокольни.*

Она слегка белеет сквозь заслон
раскидистых и пышнотелых яблонь,
но вот, фонарным светом не ослеплен,
стоит поодаль мрак как вязкий сон.
Я погрузилась в этот сгусток ночи —
и время встало. Слепо — шаг, другой...
Чем глубже мрак, тем робкий шаг короче.
Вот до стены дотронулась рукой...

Нащупала в кромешной темноте
её слоистый и шершавый холод.
Здесь — цитадель.
Врагу здесь нету хода,
как ни стремились эти или те
напором, силой, хитростью своей
и подлостью (всё в дело, всё сгодится!)
прорваться с запада на Русь. Не угнездиться
предательству и трусости на ней.
Великое и славное служенье!
Прижав лагони к каменной стене,
я наяву была или во сне?
Унять пытаюсь головокруженье,
я растворялась и срасталась с ней.
Что́ ряд столетий для ночных небес?..
Ввысь устремляясь, каменная кладка
дышала мощью. Двигалось крылато,
вибрировало Время. Миг чудес.
Вот кромка непроглядной черноты,
а следом — звёзды.
Явственна граница.
Созвездий — тех же! — молоды черты,
ещё пусты и летописные страницы.
Изборска крепость, пятачок земли...
Большому войску здесь не разместиться.
Но взять его ни разу не смогли!

*Всех изборол.
Заслон. Рубеж. Граница.
Он вынес всё: осады и бои,
пожара пламя, лютый морок вьюги —
плечо к плечу, ведь за спиной — свои.
Да заповедь: «Жизнь положи за други».
И был бы край бесславно извоёван,
на сотни лет опустошён войной,
холодной чуждой речью заколдован,
и был бы ход истории — иной:
не крепнуть Пскову с Новгородом вместе,
а про Москву и слыхом не слышать,
когда б не подвиг стойкости и чести
Изборска, его праведная рать.*

*...Я как-то отлепилась от стены.
Меня вело, качало и знобило.
Не помню, как оттуда выходила
в мир сонных домиков и гачной тишины.
Всё это было, было же, поверь мне!
Теперь — униженно, нечестно, невпопад —
официально числится деревней
несокрушимый и достойный град.
А в нём — музеи, храмы хорошеют,
храня нетленный свет в любой ночи,
склоняет лебедь грациозно шею,
и бьют из недр священные ключи.*

*Набрякли тучи, а закат кровотоцит,
край неба — будто рубленая рана.
Луга, леса — прекрасна панорама...
Но отчего же сердце так стучит?
Не успокоить, не смирить его,
поймавшего далёкий отзвук брани.
Изборск негаром памяти избранник.
А гаром не даётя ничего.*

*Мы проживаем в городе одном.
При этом не встречаемся годами.
Да что ж такое происходит с нами?
Прости, уже не помню, где твой дом.
Ты скоро позабудешь голос мой,
хоть телефон у каждого в кармане.
А прежде и в метели, и в тумане
спешили мы на зов, едва поманит,
хоть к чёрту на рога, хоть и домой,
чтобы обняться, свидеться, сидеть
за кухонным столом без церемоний,
без разницы — в палатке или в доме,
болтать, дымить и струнами звенеть,
вдруг ощущая родственность свою
и единенье с теми, с кем пою.
...Подумать страшно: мало теплоты
осталось в нас, и нечем поделиться?
А в памяти — грузей ушедших лица,
и молоды навеки их черты.
Но мы-то здесь. За хлопотами дня,
что приучён стремительно смеркаться,
найди часок, минуту, может стать —
в дверь позвони.
И обними меня.*

